

DEGREES
OF GUILT

**HELEN
CHANDLER**

**ХЕЛЕН
ЧАНДЛЕР**

**МЕРА
ЕЕ ВИННЫ**

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ч-18

H.S. Chandler
DEGREES OF GUILT

Copyright © HS Chandler 2019. First published in Great Britain in 2019 by Trapeze Books, an imprint of The Orion Publishing Group Ltd.

Фото автора на форзаце: *David Baumber*

Чандлер, Хелен.

Ч-18 Мера ее вины / Хелен Чандлер ; [перевод с английского А.В. Андреева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-107832-4

А ведь этот день стал почти что лучшим в ее жизни...

Мария наконец-то почувствовала себя свободной. И счастливой. Впервые за двадцать лет. Стоило лишь пробить мужу голову...

Лотти Хирадж погрязла в болоте домашних дел и бесконечных прислуживаниях супругу. Но сейчас ее выбрали присяжной на суд против Марии Блоксэм, совершившей покушение на своего мужа, и Лотти получила шанс вновь почувствовать себя нужной и значимой. Вот только цена оказалась слишком высокой...

Мария Блоксэм признала, что ненавидела мужа и мечтала, чтобы тот умер. Вердикт присяжных вырисовывается однозначный – виновна. Однако Лотти считает иначе. И сделает невозможное для того, чтобы Марию оправдали.

Вы думаете, что знаете, кто виноват, а кто – нет.

Вы ошибаетесь...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-107832-4

© Андреев А.В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Эдвард Блоксхэм ничком лежал в луже крови на залитом солнцем кафельном полу кухни. Вот уже несколько минут он не шевелился и не произносил ни звука. Не отрывая от тела глаз, Мария сложила лежавшую на столе газету и бросила ее в мусорное ведро. Медленно вытирая полотенцем чашку, она размышляла о том, чем и как лучше отмыть кровь, натекшую в залитые светло-серым цементом пазы между плитками. Оставила вторую чашку в раковине, вынула из головы Эдварда ножку стула и потрогала пальцем торчащий из нее болт, облепленный кусочками человеческой ткани. Что ни говори, а хорошо сделанная ножка стула — это чудесное импровизированное оружие. Даже ей, женщине без какого-либо медицинского образования, было понятно, что серое вещество на болте — это не что иное, как мозг, находившийся глубоко внутри черепа ее мужа. Вертикальная трещина на его затылке была длиной более десяти сантиметров, и из раны, пузырясь, вытекала на шею кровь. Самое время звонить в полицию, подумала она, но, взглянув через кухонное окно на идиллический сад, освещенный полуденным солнцем, почему-то не смогла найти в себе внутреннюю мотивацию для этого. Мария стала считать: в году приблизительно восемь месяцев, когда стоит хорошая погода и можно работать в саду двадцать дней в месяц, скажем,

по четыре часа в день. Умножим это на пятнадцать лет, которые прошли с тех пор, как она перестала ходить на работу; получается десять тысяч часов, которые она потратила на то, чтобы изменить землю так, как она желала, создавая единственную красоту в своей жизни. А сейчас плоды ее труда пропадут. А, впрочем, может быть, это и есть самый подходящий финал всей этой истории. Муж убит. Растения умерли. Предсказуемая смена времен года потеряла для нее всякий смысл.

Сначала ладонью одной руки, а потом другой Мария провела вдоль ножки стула, ощущая подушечками пальцев мертвые мозговые клетки Эдварда. На протяжении почти двух десятилетий он был человеком, полностью управлявшим ее жизнью. И вот сейчас, за две недели до своего сорокалетия, она убила его и теперь будет отмечать юбилей как человек, свободный от семейных уз. Скорее всего, за решеткой, но с ним уже никак не связанная. На самом деле на полу было ужасно много крови. Мария крепко прижала кухонное полотенце к ране мужа, перешагнула через тело, локтем аккуратно прикрыла кухонную дверь и вышла в коридор, где на стойке для шляп висел его пиджак. Засунув липкую ладонь во внутренний карман, извлекла телефон Эдварда, подумав о том, какой же он гладкий и тонкий по сравнению с дешевой пластиковой коробочкой, которую она спрятала. Телефон был без пароля. Эдвард не нуждался в защите. В доме Мария жила с ним одна, а весь его офис состоял из одной-единственной секретарши. Он живет так, как ему нравится. То есть жил, поправила она себя, набирая номер вызова экстренной помощи.

— Какая услуга вам необходима?

Странно было воспринимать все то, что должно было произойти, в виде услуги. Само слово предполагало по-

мощь или, по крайней мере, какую-то пользу. Но с этим они уже сильно опоздали.

— Я убила своего мужа, — ответила Мария, — так что сами решайте, какую...

Женщину на другом конце совершенно не смутил ее ответ. «Молодец», — подумала Мария. Женщина спросила ее имя, адрес и задала несколько вопросов о состоянии Эдварда.

— Он лежит на полу лицом вниз совершенно без движения, — ответила Мария, — я не перемещала тело.

— Он дышит? — спросила оператор линии экстренной помощи.

— Я размозжила ему голову. Так что не дышит.

— Полиция и «Скорая» уже выехали. Откройте все двери. У вас на участке есть собаки?

Мария вздохнула. Нет, собак нет. Нет ничего, на что она могла бы здесь тратить свое время и свою любовь. И ничего, что могло бы любить ее в ответ.

— Нет, только я, — ответила она, подошла к входной двери и распахнула ее. Ворвавшиеся в дом запах свежескошенной травы и звуки птичьего пения отвлекли ее от разговора с оператором. Мария увидела чаек, летящих в сторону побережья Сомерсета, и улыбнулась при мысли о том, что ее муж уже никогда больше не будет брюзжать по поводу того, что они гадят, портя краску на его «Вольво». Издалека уже слышался двухтоновый звук сирен полицейских автомобилей, пробиравшихся по переулкам к их дому. Мария подумала о том, где ей лучше всего находиться, когда приедет полиция. Было бы неправильно, если б полицейские нашли ее стоящей над телом мужа. Гостиная же расположена слишком далеко от места преступления, поэтому она произведет впечатление человека совершенно бесчувственного, если в такой полный драматизма момент будет сидеть в кресле. Лучше всего

встретить их на подъездной дорожке. Мария вышла на улицу, совершенно не волнуясь о том, что подумают соседи. Кипарисовый кустарник обеспечивал полное уединение с обеих сторон участка, а обширная, идеально ухоженная территория с домом на пять спален означала, что они никогда не видели и не слышали людей, живущих рядом.

Ах да, ворота, она чуть не забыла о них... Мария вернулась в коридор и нажала кнопку. На брелоке с ключами Эдварда был пульт дистанционного управления воротами, но они лежали в кармане его штанов, и у нее не было никакого желания их доставать. Она снова вышла на улицу в момент, когда ворота полностью открылись, и посмотрела на массивные распахнутые створки с узором из железных завитушек, которыми так гордился Эдвард. Вспомнила день, когда им поставили эти ворота. Занимавшийся установкой рабочий с восторгом протянул ей пульт дистанционного управления, предлагая первой испытать их. Она нажала кнопку, и створки ворот абсолютно синхронно и беззвучно сомкнулись над усыпанной гравием подъездной дорожкой.

— Отлично, — сказал рабочий, — всё в порядке, теперь вы в полной безопасности.

Дверцы клетки закрылись. Конечно, она могла видеть сквозь ворота уходящую вдаль улицу и дома соседей с аккуратно подстриженными газонами. Птицы по-прежнему летали в небе и вили гнезда там, где им заблагорассудится. Ничего не изменилось, разве что ее мир стал еще немного меньше, и она возненавидела свою жизнь еще сильнее.

Одна полицейская машина подъехала к дому, другая остановилась за воротами. За ней припарковалась машина «Скорой». Мария увидела, как из ближайшего автомобиля вышла женщина-полицейский и стала с опаской приближаться к ней.

— Вы миссис Блоксхэм? — громко произнесла та.

— Да. Здравсьте.

— Мэм, положите предмет, который вы держите в руках, — приказала полицейская, держась от нее на безопасном расстоянии.

Мария подняла руку и увидела, что к ее ладони словно магическим образом приросла ножка стула. Несколько прилипших к ней волосков Эдварда дрожали в легком дуновении ветерка.

— Простите, — произнесла Мария. — Даже не думала, что это все еще у меня в руках. — Она медленно опустила ножку стула на гравий. — Эдвард на кухне.

Из машины вышел еще один полицейский, и вместе со своей коллегой они медленно двинулись в сторону Марии. Из «Скорой» вылезли два врача.

— Я — констебль Мулл, — произнесла женщина-полицейский. — Нам надо войти внутрь и осмотреть вашего мужа, миссис Блоксэм. Кто-нибудь, кроме вас, находится на территории?

— Я совсем одна, — ответила Мария.

— В доме есть еще оружие, о котором мы должны знать? — спросила констебль Мулл.

Мария склонила голову. Ну, конечно, полицейская имела в виду ножку стула. Марии просто в голову не пришло, что это оружие. Совсем недавно это была всего лишь отвалившаяся ножка от стула, который надо было починить. Теперь у этого предмета появилась новая функция. Надо же, какие драматические изменения, подумала Мария. Точно так же, как и она сама в мгновение ока превратится из домохозяйки в убийцу — ведь именно так ее будут называть в газетах после того, как получат информацию о преступлении. Потом напечатают некролог Эдварда: известный эколог, специалист по вопросам изменения климата, борец за сохранение популяций морских птиц и британской природы, автор книг, радиове-

душий, местная знаменитость и так далее и так далее... Они сообщат, что его забили до смерти в собственном доме. Или, может, напишут, что его «забили до смерти дубиной». Раньше Мария даже не подозревала, как глухо звучит удар дерева по черепу и как этот звук на слух напоминает произношение корня слова «дубина» — «дуб».

— Миссис Блоксхэм! — Констебль вернула ее к действительности, сделав шаг вперед.

— Нет, — ответила Мария, — никакого оружия.

— Хорошо. Мэм, поднимите руки и, пожалуйста, не двигайтесь, пока я подхожу, — сказала констебль Мулл.

Несмотря на то что она произнесла свои слова достаточно дружелюбным тоном, это был приказ. У Марии в этом смысле был большой опыт, и она знала, чем отличается простая фраза от приказа. Стала медленно поднимать руки, увидела свои окровавленные ладони и поняла, что со стороны выглядит угрожающе. Констебль Мулл подошла к ней и обыскала, похлопав ладонью по карманам и местам, где могло быть спрятано оружие. Убедившись, что Мария ничего не прячет, кивнула медикам, которые в сопровождении полицейского из припаркованной за воротами машины быстро вошли в дом.

— Спасибо. А теперь заведите руки за спину, и я надеву на вас наручники. Они тугие, и вы должны сообщить мне, если вам станет больно.

«Они, конечно, необыкновенно вежливо ведут себя, учитывая то, что я сделала, — подумала Мария. — На полу в кухне лежит труп, а они обращаются ко мне “миссис Блоксхэм”... Но это скоро закончится, как только они увидят тело».

— Прощу вас остаться здесь. Я зайду в дом, а мой коллега, констебль Мактэвиш, будет вас держать. Не двигайтесь и не пытайтесь двигаться. Вы меня поняли? — спросила констебль Мулл.

— Поняла, — ответила Мария.

К дому подъехал еще один автомобиль, на этот раз без опознавательных знаков, и констебль Мактэвиш взялся за заключенные в наручники запястья Марии. Вылез мужчина, с виду такой же неприметный, как и автомобиль, на котором он приехал. Надел на руки перчатки и покрутил головой, как показалось Марии, словно принюхиваясь. Чует запах крови. Он открыл пассажирскую дверцу, вынул лежавший на заднем сиденье рюкзак и направился к Марии, не глядя ей в глаза. Потом, наклонившись, осмотрел ножку стула.

— Сфотографируйте, — бросил он женщине, вышедшей из автомобиля вслед за ним. Та тяжелой поступью шла по дорожке. При каждом шаге висящая на ее шее фотокамера била ей в грудь. Она сделала около десяти снимков, после чего отдававший команды мужчина взял ножку стула и положил в пластиковый пакет.

— Подпишите и начинайте описывать вещдоки, — приказал он, передавая пакет женщине, которая после этого направилась обратно к машине. Отдававший приказы полицейский не торопился обращать внимание на Марию. Сначала он посмотрел на часы и поприветствовал удерживающего ее констебля.

— Сэр, — с уважением в голосе произнес констебль Мактэвиш.

— Мактэвиш, — произнес полицейский, кивнув коллеге, — она сопротивлялась?

— Нет, сэр, пока никаких проблем, — ответил констебль.

Мария держала голову так высоко, как только могла. Мысль о том, что она могла оказать сопротивление, казалась смешной и даже чем-то лестной.

— Я инспектор уголовной полиции Антон. Вы сами сообщили о случившемся? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Что будет дальше?

— Мы осмотрим место преступления, — ответил инспектор.

— Куда меня отвезут?

Антон молча смотрел на нее. Чтобы посмотреть ему прямо в глаза, Марии пришлось опустить взгляд. Навскидку он был не выше 165 сантиметров, и она подумала, не мешает ли его низкий рост продвижению по службе. Во взгляде Антона было что-то странное, и Мария отвела глаза.

— Миссис Блоксхэм, вы сообщили оператору линии экстренной помощи, что убили своего мужа, верно? — спросил он.

— Да.

— Со стороны вы кажетесь очень спокойной, — заключил Антон после короткой паузы.

— Неужели? — Она снова посмотрела ему в глаза.

— Повернитесь, пожалуйста, — попросил инспектор.

Констебль Мактэвиш отпустил ее запястья, и Мария повернулась, обратив при этом внимание на то, что розы уже пора подрезать. Впрочем, ей это делать уже точно не придется. Никто не будет заботиться о цветах так, как она. Если розы не подрезать, то следующей весной цветы будут меньше и слабее. Марии стало грустно; она почувствовала, как на глаза неожиданно навернулись слезы.

— Констебль Куксли, наденьте миссис Блоксхэм пакеты на руки, — приказал Антон вернувшейся от машины полицейской с фотоаппаратом. Куксли вынула пакеты из кармана и надела по одному на каждую ладонь Марии, закрепив на запястье клейкой лентой.

— Это, миссис Блоксхэм, для того, чтобы сохранить вещественные доказательства, в случае если у вас под ногтями есть что-либо, свидетельствующее о том, как вы защищались во время инцидента. У вас есть какие-либо раны, которые стоит осмотреть медикам?

По тому, что в его голосе не было и тени сочувствия или симпатии, Мария поняла, что Антон пытается хитростью выпытать у нее подробности произошедшего.

— Нет, — ответила Мария, — я не пострадала.

В дверях появилась констебль Мулл и подозвала Антона. Они исчезли в доме. Марии было совершенно все равно, чем полиция занималась внутри. Это всего лишь конструкция, удобное укрытие от непогоды, в котором не было никакой сентиментальной ценности. Она с радостью уйдет из этого дома, чтобы больше никогда не возвращаться. Ее совершенно не трогали ни красивая архитектура, ни количество спален, ни ворсистые ковры, ни то, что на оконных стеклах был тройной слой напыления. Все эти детали не делали из строения настоящего дома. Щедрые квадратные метры предоставляли лишь дополнительное пространство для уборки и большее количество стен, на которые она могла смотреть.

С ее левой брови по щеке медленно поползла капелька пота. Мария подождала, пока капелька доползет до челюсти, после чего подняла плечо и вытерла ее. Наверняка инспектору Антону было бы приятно видеть, что она потеет. Все это классические характеристики поведения преступника, который ощущает вину: страх того, что его найдут, а также подсознательное желание сознаться в своих прегрешениях. У Марии не было никакого желания превращать все это в мелодраму. Она скажет им только то, что убила Эдварда. Убила умышленно.

Инспектор Антон вышел из дома и встал прямо перед ней.

— Миссис Блоксэм, вы арестованы. Вас отвезут в полицейский участок, где предоставят возможность проконсультироваться с адвокатом, а потом допросят по поводу нападения на вашего мужа.

— Я уже сказала оператору линии экстренной помощи, что сделала, — ответила Мария, — и не думаю, что мне понадобится адвокат.

— Я вас предупреждаю, поэтому очень важно, чтобы вы меня выслушали, — его голос зазвучал на тон выше. Судя по всему, инспектору не нравилось, когда его перебивают. — Медики выйдут из дома через несколько минут, и до этого времени вас необходимо увезти. Вы принимаете какие-либо лекарства, которые вам необходимо взять с собой? Я не могу гарантировать, что вы сможете войти в этот дом в скором времени.

— Нет, — ответила Мария, — мне отсюда ничего не нужно. Я покончила с этим местом.

— У вашего мужа были какие-либо заболевания, о которых мы должны знать?

— До сегодняшнего дня он был совершенно здоров. Я уверена, что его врач может вам это подтвердить.

— Сэр, — раздался голос появившегося в дверном проеме полицейского. — Вертолет прибывает через три минуты. Они ищут площадку для посадки.

— Нам нужно увезти вас прямо сейчас, миссис Блоксэм. Идите к машине, стоящей за воротами, — приказал Антон.

— Это коронера доставляют на вертолете? — спросила Мария. — Я все думала, когда же он прибывает.

— Коронера? — инспектор нахмурился. — Нет, миссис Блоксэм, это вертолет медицинской «Скорой помощи».

— Вам не кажется, что в данной ситуации «Скорая помощь» является излишней?

— Я понимаю, что вам хотелось бы, чтобы мы не слишком себя утруждали, — сказал Антон и снова посмотрел на часы. — Нам пора. Вы арестованы за покушение на убийство, и я немедленно отвезу вас в участок.

— Что? — удивилась она.

— Миссис Блоксхэм, я настаиваю, чтобы вы прямо сейчас подошли к полицейской машине, — сказал Антон.

— Вы сказали «покушение на убийство», — ответила Мария. Она вдруг поняла, что ощущает каждый отдельный камешек гравия под тонкими подошвами тапочек. И неожиданно ей стало невыносимо жарко...

Брови Антона поползли вверх.

— Простите, я, видимо, выразился недостаточно ясно. Ваш муж, миссис Блоксхэм, все еще жив, хотя, увидев рану, я понимаю, что вы имели все основания предполагать, что это не так. Его необходимо срочно доставить в больницу, где уже ждет бригада хирургов.

Мария покачала головой, инстинктивно пытаясь найти, на что можно опереться рукой, отчего наручники только сильнее впились в запястья.

— Нет, — прошептала она, и ее ноги начали подкашиваться. Инспектор Антон приказал констеблю помочь ему поддержать женщину, и Мария почувствовала, что они успели поймать ее до того, как она упала на землю.

— Пожалуйста, опоздай, — пробормотала Мария перед тем, как в ее глазах стало совершенно темно.

ГЛАВА 2

Первый день суда

«Моя первая любовь». «Моя драгоценность.» Именно так инженер-проектировщик Клифтонского подвесного моста Изамбард Кингдом Брюнель отзывался о своем де-тище. Лотти мало чего запомнила из школьной программы, но вот эта информация почему-то отложилась в ее голове, и она вспоминала цитату инженера каждый раз, когда приезжала в Бристоль. Лотти уже и не помнила,